

*Впечатления***Наталья Шведова****Ни дать ни взять - Мастер**(О стихах Павла Яника)

С творчеством Павла Яника я познакомилась, когда работала над антологией словацкой поэзии на русском языке «Голоса столетий» (М., 2002). Новое для меня имя сразу запомнилось. В книге «Кто-то как Бог» я выделила два стихотворения на смерть Мирослава Валека, творчеству которого была посвящена моя диссертация. Во-первых, искреннее уважение к мэтру словацкой поэзии. Во-вторых, удивительное воспроизведение поэтики Валека; за образами Яника легко читаются строки «Гибели “Титаника”», «Судеб» и других валековских произведений. Я даже затруднилась, какое из двух стихотворений выбрать для антологии: оба хороши. Выбрала «Одинокую молнию». И ещё одно стихотворение вошло в антологию; автор почему-то не включил его в подборку для своего «сольного» издания на русском, но мне оно представляется весьма репрезентативным — это «Видно ангела по полёту» (*по-словацки «по перьям*, так что здесь я столкнулась со сложным поиском эквивалента). Стихотворение, полное сдержанной печали и изысканной образности.

Когда мне предложили перевести большое число стихотворений Яника и даже составить книжку, я с удовольствием согласилась, но не предполагала, что перевод захватит меня не меньше, чем собственное творчество. А опыт перевода у меня был — в той же антологии я перевела более ста пятидесяти произведений от Людовита Штура до Йозефа Урбана. Начинала же я на заре 80-х с «Ниток» Валека.

Казалось бы, я свободно владею словацким, но при переводе Яника я то и дело заглядывала в словарь, отыскивая нюансы значений и идиомы. К неожиданным столкновениям смыслов меня привучил всё тот же Валек, любивший к тому же оксюмороны. Попробуйте передать на другом языке, например, «zergava obloha zajde ti za nechty» («Дробь на обратной стороне»). Лингвистическая игра в последних сборниках Яника идёт постоянно. Ещё одно ценное качество, перенятое у Валека, — афористичность. Стихи наполнены пульсирующим смыслом, игра — важное средство для создания образа, а не самоцель. И конечно, звуковое совершенство стиха, что для верлибра особенно важно: оно заменяет рифму, придаёт своеобразный ритм. Рискну сказать, что Валек был в этой области глубже, а Яник стал изобретательнее. Впрочем, создать такие чудеса, как, например, «tam tma mat twojej pleti rozornych» («Удрученность»), — знак высочайшей одарённости, а она буквально не повторяется. Но почему никто до Яника не услышал простой чарующей переклички «ja ho dam — jahodam» и не соединил эту звуковую игрушку с мотивом кусочка сахара? Я перевела «к земле никнет он, // к землянике». Сахар от осенней сырости набухает, тяжелеет, «к земле никнет».

Но не игра здесь — самое главное. Яник — поэт серьёзных раздумий о творчестве, смысле жизни, судьбах цивилизации. И о превратностях любви — не «любви неласковой» Лукача, не «запретной любви» Валека, а по-своему интерпретированного чувства. Я бы сказала — мимолётной, прchavej любви, которую очень хочется удержать, закрепить. В то же время это любовь упоительная, захватывающая человека целиком («Зеркала после сумрака»). Наверное, любовная лирика Яника — наиболее оптимистическая часть его поэзии.

А что же планета Земля, куда летит она на переходе из века в век? С годами прогнозы Яника становятся всё мрачнее, а сам охват событий делается всё шире. И есть ли Бог, нужен ли он современному человеку? По крайней мере, человек ищет хоть какой-то опоры в жизни, кроме локального уюта семьи. Мотив крови, уделяющей землю вместе с «кмёртвыми детьми» Косова или окрашивающей «фигурки» на всемирной шахматной доске, — актуальнейший мотив нашей жизни последнего десятилетия. Картины мегаполисов у Яника ярки и тревожны. В Париже они облагораживаются любовью — или скорее флиртом, ароматом духов «Soir de Paris».. И Бог в Нью-Йорке оказывается «негром», поедающим свой «хот-дог» у подножия небоскрёбов, чей серый цвет ему по душе. Это явно Нью-Йорк до 11 сентября 2001 года, небоскрёбы ещё стоят на своём месте. Однако Бог в нём низведен до уровня чернокожего обывателя. Ну как опять не вспомнить Валека: «Komfortna pust, nylonu» («Гибель “Титаника”»).

Более ранние и менее «глобальные» стихи Яника также весьма интересны. Я бы отметила «Molto adagio» и «Ex offo». Первое — удивительное проникновение в мир пожилых людей, в которых постепенно превращаются и молодые. Мир, полный растерянного неузнавания окружающей жизни и собственных реакций. Стихотворение проникнуто глубоким сочувствием к этим людям, которых следует уважать не на словах. «Molto adagio» отличается ещё и редкостным использованием лексики. Три раза автор, по сути, говорит одно и то же — но совершенно разными словами. Тем самым усиливается впечатление однообразной, бедной событиями жизни стариков, отягощённой неизбывными проблемами. Зарисовка из мира чиновников — «Ex offo» — полна горькой самоиронии. Это некая псевдожизнь, имитация бурной

деятельности, и само сочинение стихов обрастает канцелярскими штампами. Примечательны и миниатюры Яника: «Exegi monumentum» и «Хризантематика». Всем известный Памятник поэту может превратиться в банальный гараж — зато нечто материальное. А кладбищенский для словаков цветок хризантемы брошен на «могилу» стихов, чья благородно-чернильная кровь удушена перепечаткой. По сути, это же гениальное открытие Блока: «Творческий разум осилил — убил» (*«Художник»*), только «сниженное» до быта.

С точки зрения перевода, недавние стихи Яника сопротивляются «чужому» языковому материалу. Даже близкому, славянскому. Я вынесла в заглавие русскую идиому, в которой использованы многосторонне обыгранные Яником глаголы «дать» и «взять». Только смысл иной: как ни крути, Мастер. А Яник закономерно связал эти глаголы с женским и мужским началом, «Инь» и «Янь». Видимо, в языке это действительно запечатлелось. Некая праоснова смысла. Вот такие «игрушки».

Мне казалось, что виртуозность Яника в трансформациях «strom-strom-dom» принципиально непереводима. По-русски «гром-гроб» ещё работает, перекликается и «гром-дом», но у Яника всё отталкивается от «strom» — «дерево». И не случайно это слово. Оно уже было обыграно в стихотворении «Дерево в первом лице единственного числа». То есть — опять созвучное слово «som», которого в русском языке вообще нет, изредка используется архаичное «есмъ». Дерево — это человек, такая символика также связана с Валеком: «Дерево» из сборника «Прикосновения». И тут уже и гром, и гроб на его бедную голову, и все перипетии «Tichej stromacnosti», главная из которых — отрыв от корней. Выяснилось, что можно передать и по-русски эти трансформации. Это сделала юная аспирантка-лингвистка, увлекавшаяся Хлебниковым, — Дарья Анисимова, которая параллельно со словацким изучала венгерский язык и уже отмечена наградой среди переводчиков с венгерского. Её первый опыт в области словацкой поэзии оказался поразительным. Не скажу, что мне всё видится равнозначным, но «Тихий дровашний уют» — это великолепно. Передан трагизм существования этих «деревьев-древов» и так далее. И «Служелания» (*«Tuzobnictvo»*) воссозданы с точным ощущением нерва стиха. В русском языке, увы, нет точного эквивалента словацкому «*trebaſnít*». Дарья Анисимова сделала именно это — «пересочинила» стихи Яника.

На заседании Союза переводчиков России весной 2004 года Даша имела шумный успех со своими переводами из Яника. Получается, что возраст и опыт — дело вторичное, главное же — талант. Впрочем, те, кто переводил другие стихи Яника, — тоже поэты по первоначальному ремеслу. Причём Елена Тамбовцева — специалист по русскому языку, она преподавала его в Словакии. Без лингвистического чутья Яника не перевести. Что же оставалось делать мне, бедному литературоведу! Искать реминисценции из своего любимого Валека.

И одна из них — заглавие книги Яника на русском. После «гибели» — «починка «Титаника». В чистом виде реминисценция встречается в стихотворении «Умудрённые твоей смертью» — на смерть Валека, который написал поэму на смерть Джона Кеннеди. Я оставила в своём переводе другое слово, пришедшее до затеи с изданием книги Яника на русском. «На дне твоей души // каждый латаёт собственный «Титаник». Я стремилась воспроизвести богатую звукопись этого стихотворения, где-то теряя, где-то добавляя: «латает-Титаник», звуковая перекличка базовых образов. Так Яник делает камерной вселенскую катастрофу и одновременно возводит до общемирового уровня личные драмы. А в названии сборника — слово «починка». Только не словарное «ремонт», чужое, неславянское, входящее в надоевшее слово «евроремонт» — признак зажиточности, как и упоминавшийся гараж. «Починка» — замечательное слово. Здесь и «почин», «доброе начало полдела откачало», и связь со словацким корнем «cín» — действие. А в словацком слове «Oprava» — корень «grav» — «правый», «правильный». Действие, ведущее к правде. Только так и починим «Титаник», если вообще починим. Свой и общемировой.

На мой — внутренний, составительский — взгляд, книга Яника на русском языке получилась удачной. Я старалась показать поэта Мастером в разных областях лирики: любовной, социальной, философской, политической. Донести до русского читателя его шутливо-грустные интонации, ироничность, не переходящую в цинизм. Верность национальным и мировым литературным традициям и неповторимое (но воспроизводимое) новаторство. Автор достойно представляет словацкую поэзию искушённому читателю в России.

[\[На первую страницу \(Home page\)\]](#) [\[В раздел "Словакия"\]](#)

Дата обновления информации (Modify date): 22.06.06 14:57